

ЖИЗНЬ АКТРИСЫ

Очерк

МАРИИ Густавовне Викс посвящены горы статей, ее имя стоит в названии книги, о ней пишут театральная и музыкальная энциклопедии. Она — лауреат Государственной премии, народная артистка республики...

Что добавить к этому творческому признанию? Что добавить, если оно подтверждается вновь и вновь — с каждым выходом ее на сцену?

Поздний вечер. По узкому лабиринту внутренних лестниц театра музыкальной комедии спускается пожилая, усталая женщина. Когда-нибудь с цветами в руках она совершит этот знакомый путь в последний раз... Жестко писать так? Лучше бы что-нибудь о вечной молодости таланта? Но ведь время неумолимо ко всем — злым и добрым, бездарным и талантливым. Да, жизнь таланта ярче и длиннее в общей памяти. Но все равно на смену одним талантливым непременно приходят другие. Да и память человеческая в этих случаях невечна. Что же оставляет после себя талант? Ведь им не поделишься, его не передашь другому... Так что же он все-таки оставляет после себя — тем, кто живет и работает рядом? Что меняет в деле, которому служит?

Это зависит уже не только от таланта человека. Это зависит от самого человека.

КТО-ТО из великих сказал, что актеры очень похожи на детей, и чем лучше — искреннее, целомудреннее, самозабвеннее играет актер, — тем больше в нем от ребенка... О, если бы это прекрасное качество сопутствовало актеру только на сцене!

Каждый, кто знаком с внутренней жизнью театра, знает, сколь капризными, обидчивыми, вспыльчивыми бывают подчас люди его. Как мелочь может вырастать здесь до грандиозных масштабов, а одно непродуманное слово сразу накалять общую атмосферу... Это — не порок театра, а недостаток его, являющийся естественным продолжением его же достоинств.

Другое дело — мера, в которой недостаток этот влияет на общую жизнь коллектива. Он может подчинить себе все — и тогда нет коллектива, есть лишь группа людей, интересующихся только своими заботами, делами, успехами. А значит, и нет театра.

Ибо театр создается не просто актерами — даже самыми талантливыми. Он создается людьми, ценящими общий успех выше личного, объединенными общей задачей, живущими единым стремлением. Именно они определяют лицо театра, вырабатывают его творческие и нравственные принципы. От них зависит его настоящее, его будущее.

Не обязательно, чтобы все люди театра были такими. Но обязательно, чтобы в театре были такие люди.

Такой человек — Мария Густавовна Виск.

В ДЕНЬ, когда она родилась, ее отец, забойщик, нашел в шахте золотой самородок. Долго носила его, как украшение; Маша Виск. Он был свидетелем пробуждения ее таланта, ее первых успехов.

И пусть талант этот теперь ограничен и оправлен великолепной техникой пения, опытом и мастерством актрисы — все равно он остается самородком.

Природа сделала Марию Виск певицей.

Человека в себе она формировала сама.

...Война. Артисты выступают в госпиталях. После концерта коллеги ждут Виск. «Сейчас, сейчас!» — обещает она и остается помогать санитаркам.

...Идет обычный спектакль. В первые же кулисы к Виск подходит молодой актер: «Мария Густавовна, я вам сейчас такой анекдот расскажу!». Она

возмущена: «Да как вы можете?! Ведь мы работаем, мы в образе, так же все настроение разрушается!».

...Афиша гласит: «Сегодня — «Черный дракон». Виск больна. Врачи категорически запрещают ей играть. Она — играет.

Разрозненные, пунктирные факты. Но пунктир — это тоже линия, и есть у нее свое начало...

Откуда в ней эта самоотдача, эта цена труда, требовательность к себе? От семьи, жившей тяжело и скудно? От первых ролей на сцене, куда она пришла еще совсем девочкой, без актерской школы, без вокальной техники, а надо было сразу и петь, и играть, и превращаться в блистательных светских «львиц» — это ей-то, Маше Виск! — и каждый сценический шаг был сопряжен с тройной нагрузкой...

Но она заставляла себя работать именно так. И теперь ведет себя точно так же — и в большом, и в малом.

— Недавно я решила провести опыт: а что, думаю, если и мне прийти лишь к самому началу спектакля, как это делают некоторые актеры? Кошмарный был вечер: я изо всех сил сдерживала, умирала себя, а что-то все подталкивало, подталкивало меня к дверям. Опыт кончился крахом: я сумела опоздать — для своего обычного срока, конечно! — лишь на несколько минут. Так и то в театре делали большие глаза...

Такая она и в малом, и в большом. И когда работает над ролью, и выполняет очередное партийное или общественное задание — а задания ей достаются трудные... Результат же бывает один — на всевозможных собраниях в театре он выражается в словах вроде: на таком-то участке работы заметно улучшение...

ПУНКТИРНАЯ линия фактов... На определенном этапе она достигает своего логического завершения: для человека, научившегося работать с полной самоотдачей, это становится нормой. А все, что находится вне ее, представляется невозможным, нетерпимым, подлежащим немедленной переделке и улучшению... Отсюда — требовательность Виск к другим, постоянная готовность вмешаться, помочь. Чаше это встречает понимание — и люди говорят «спасибо», а иногда говорят совсем другое (в лицо ли, за спиной ли — зависит от характера): «Ну что вы все вмешаетесь? Больше всех надо!». И тогда она мучается, терзает себя, решает: «Что б я когда-нибудь еще...» — но все повторяется сначала.

Если вдуматься, парадоксальные это слова: «полная самоотдача». Полная — значит, верхняя граница, предел возможностей. А на самом деле — разве не отодвигается этот предел, если человек работает с самоотдачей? Разве она, именно она не позволяет ему застыть на месте, подталкивая все время вперед? Достигнуть предела возможностей — не значит ли это ощутить в себе новые возможности, новую силу?

Путь больших мастеров в искусстве — именно такой. И путь настоящего человека в жизни — тоже.

ВОТ почему после сумасшедшего дня, наполненного репетициями, занятиями с молодыми актрисами, заседаниями худсовета и разными другими заседаниями, куда так часто приглашают Виск, после темпераментных споров на местном о жилье и путевках, после бесконечных «незапланированных» хлопот, которые, кажется, так и поджидают ее на каждом шагу, наконец, после очередного спектакля она может прийти домой заполночь, раскрыть книгу или включить телевизор и заново окунуться — полностью, самозабвенно — в мир страстей и чувств человеческих...

— Вот слушала я Караяна. Ну, когда этих концертов не забуду!

Боже мой, какой это дирижер... Ему не надо размахивать руками и делать «страшные» глаза. Музыка — она вся в нем, и достаточно малейшего движения пальца, чтобы оркестр ощутил ее ток... Я не видела в этом оркестре исполнителей. Я видела в каждом художника...

И, конечно, она не может уснуть долго, думая о концерте, о том, как завтра (скорее бы оно пришло!) будет делиться впечатлениями с друзьями в театре, и заранее переживает, что, возможно, слушали концерт не все...

Всегда так с ней бывает — концерт ли захватил ее, новая ли книга — ей обязательно нужно, чтобы и другие почувствовали ее радость... И вот она уже ходит по театру, убеждая, уговаривая, настаивая: «Прочтите «Горячий снег». Обязательно прочтите. Это такая книга...» И если всех доводов оказывается недостаточно, добавляет, как будто обращаясь к ребенку: «Вы не бойтесь, она совсем тоненькая...».

Мир для человека может расширяться беспредельно — и в двадцать лет, и в сорок, и в шестьдесят. Сердце человеческое способно вместить в себя весь мир — со всеми его болями и радостями. Ему будет трудно, но зато оно будет живым и горячим. Человек может уберечь себя от хлопот и волнений — но тогда он не уберет свое сердце: оно станет черствым.

— Мне нелегко сказать, что я люблю в жизни, — кажется, все. Но зато я твердо знаю, что ненавижу: равнодушие. Оно губит людей — и когда нет войны, и когда нет болезни...

Конечно, она не идеальный человек. И она ошибается, и бывает вспыльчива и резка, и может обидеться из-за пустяка — она ведь тоже «дитя» театра, но скажите, встречали ли вы когда-нибудь в жизни идеального человека? И может ли он вообще существовать на земле, раз и навсегда застывший в своем совершенстве?

ПОЗДНИЙ вечер. По узкому лабиринту внутренних лестниц театра спускается пожилая, усталая женщина. Когда-то такой путь отнимал у нее секунды — тогда она была юной дебютанткой Машенькой Виск.

Потом здесь проходила красавица-женщина, в ореоле успеха и поклонения, известная «лирическая героиня» Мария Виск.

А потом настал день, когда она стала «характерной» актрисой и репетировала роль пожилой крестьянки, и режиссер кричал ей на сцену: «Руки! Уберите руки!» — и она стыдливо прятала их под фартук, свои прекрасные руки, которые не хотели стареть...

О ней писали, что переход в «характерные» дался ей легко. Неправда. Это было мучительно тяжело. Но она совершила этот переход — достойно и внешне спокойно. И оказалось, что перед ней распахнулась новая дверь в искусстве — к образам сложным, полнокровным и значительным.

Все актрисы совершают такой переход — но далеко не для всех открывается заветная дверь. У кого-то не хватает таланта — ведь теперь на «внешних данных» не проедешь, кто-то, избалованный славой, изо всех сил пытается вернуть прошлое — и теряет и славу, и себя, а кому-то оказывается просто не под силу новое, многотрудное амплуа.

Марии Густавовне Виск все оказалось под силу. Она была подготовлена к этому — как актриса. Она была подготовлена к этому — как человек. И пришел новый успех, новое признание — еще более значительное.

ЧТО добавить к этому творческому признанию? Что добавить, если оно подтверждается вновь и вновь — с каждым выходом ее на сцену? Только одно: мы аплодируем актрисе.

А какой оценки достойна ее жизнь?

Н. ЗЕНОВА.